

Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таю, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится. Ак., 89 зач., XVIII: 10–14.

Сегодня вместе с Церковью мы снова вступаем на путь покаяния, начинается чтение Покаяния.

Православная Церковь вступает в Великий пост – время покаяния и молитвы. За несколько недель до самого поста мы начинаем готовиться к вступлению в этот удивительный период церковного года и, мы надеемся, нашей жизни. Подготовка к вступлению в Великий пост выражается не только в постепенном изменении вкушаемой нами пищи – на смену «сплошной», т.е. без обязательного поста в среду и пятницу седмицы, следующей за воскресеньем «о мытаре и фарисее» приближается «масленая» (или «сырная») неделя – «Масленица», когда мы начинаем воздерживаться от вкушения «брашна мяс»...

Однако главное, что открывают нам подготовительные к Великому посту недели – это сокровище церковной молитвы. Уже в Неделю о мытаре и фарисее за богослужением начинает использоваться Триодь Постная – главная книга Великого поста, – поистине неиссякаемый источник духовной мудрости и молитвенного покаяния:

Кондакъ, гла́с 4. Подобенъ: Ие́на сѧ є́сіи дн̄еъ:

**Фарисеева о́утѣжнія быво́глаголанія, и мытаре́въ на́чніса
бывоте́ глаго́лъ сми́ренныхъ, пока́ніемъ взы́баниши: сѧ міра, и́чи́сти
рѣбъ тво́дъ.**

Вторы́ кондакъ, гла́с 5. Подобенъ: Дѣл дн̄еъ:

**Возды́хнія прннесе́мъ мытареска́ гдѣн, и къ немъ прнгѣпимъ
грѣшній икѡ бѣцѣ: хощетъ бо спасенія вѣ́хъ чловѣ́къвъ, и́стѣбленіе
подѣйтъ вѣ́мъ си́мѣи сѧ на́съ бо рѣди воло́тисѧ, ег҃ъ сѧ ѹ́**

Іко́з:

**Сами же́ бѣтіе сѧ сми́ренъ возды́хніи, рѣдѣнъ пое́мъ
сбѣтіе: да въ сѣдѣ тогдѣ вѣ́чномъ тѣло гѣ́мъ вѣ́рніи, непо́йнни,
полчи́ше и́стѣбленіе. тѣло во є́сть воло́тинъ и́стѣбленіе, єже
бѣдѣти тѣло нынѣ о́умолимъ: тѣло болѣнь ѿбѣже, пе́мъ и́зъ
глубинъ возды́хнія, во є́демъ дѣнѣмъ, єг҃ъ же хрѣ́съ зиждѣтель,
ег҃ъ сѧ ѹ́ си́мѣи сбѣтіе.**

Кондак, глас 4

Избегать будем фарисеева велеречия / и научимся высоте слов мытаря смиренных, / покаянно восклицая: / "Спаситель мира, / будь милостив к рабам Твоим!"

Иной кондак, глас 3

Подобно мытарю стена приносим Господу, / и припадем к Нему, грешные, как к Владыке: / ибо желает Он спасения всех людей, / прощение подает всем кающимся; / ведь ради нас Он воплотился, / Бог, Отцу собезначальный.

Икос:

Сами себя, братия, все смирились, / стенаниями и сетованиями поразим совесть, / чтобы тогда, на суде вечном, / явиться верными, неповинными, прощение получив. / Ибо там поистине отрада, / и чтобы нам ее узреть, ныне принесем мольбы; / там мука отошла, скорбь и из глубины стена, / в Эдеме дивном, Творец которого Христос, / Бог, Отцу собезначальный

Во имя Отца и Сына и Святого Духа

ПРОПОВѢДЬ В НЕДЕЛЮ О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ

Человек приходит в храм помолиться. Нет человека без греха – говорит нам Слово Божие. И это действительно так. Но один становится в центр храма и говорит безумные слова: Благодарю Тебя, Господи, что я не такой, как прочие люди. Я молюсь, пощусь, все соблюдаю. Более того, десятину всего что имею, отдаю Церкви и нищим. Этот человек действительно считает, что он не такой как другие – например, как тот мытарь, что стоит у самого входа в храм и со слезами бьет себя в грудь, произнося: «Боже, милостив буди ми грешному!». Этот безумный фарисей не такой вовсе не потому, что у него нет греха, а потому что его греховое состояние столь мрачно, что он не видит тьмы, которая окутала его сердце, его душу – всю его жизнь. Он думает, что Богу нужны только его молитвы, его посты, его жертвы. На самом же деле Богу нужно его сердце и его стремление быть с Ним. Но этот человек абсолютно самодостатчен. И поэтому, правда Божия о себе самом для него не доступна. На самом деле, если копнуть глубже – он неверующий человек. Он решил, что с Богом можно заключить некий контракт, чтобы Бог не вмешивался в его жизнь болезнями, потрясениями и сокрушениями. Всем тем, чем любящий нас Господь непрестанно посещает всякого человека, стараясь привести каждого из нас через лишения к тому единственному состоянию, которое дает возможность человеку поднять глаза от земли к Нему, и действительно «из глубины возвзвать» – подобно тому, как молится сегодня мытарь – «Боже, милостив буди ми грешному!». Только

тот, кто осознал весь ужас, в который погрузил его грех, только тот, кто, холода от этого ужаса, узнает, что нет ничего, на чтобы мог бы опереться в его жизни Господь, только тот, кто взвыает из бездны – подлинно молится. Только Господь может подать подлинное избавление от всевластия греха, подлинную, а не фарисейскую праведность. Чем светлее человек, тем больше грехов он видит в себе и в своей жизни. Тем ненавистнее становится ему всякая нечистота в его жизни – и он страдает от этой нечистоты. Страдает нравственно, морально – даже физически страдает от этой нечистоты духовной. Подобно тому, как страдает мытарь. Для него невозможна та жизнь, которой он живет, и он жаждет обрести жизнь другую.

Перед тем как мы вступим в Великий Пост, мы должны научиться самому главному. Если этого у нас не будет – ничего другого приобрести мы не сможем. Нам нужно узнать – что ничего у нас нет доброго, на что Бог может опереться в нашей жизни. Те духовные радости и утешения, которые дарует нам Господь, мы снова и снова теряем потому, что нет у нас этого покаянного чувства. Мы снова и снова оказываемся в грязи наших грехов. Мы привязаны к этим грехам. На самом деле, в глубине своего сердца мы дорожим своим греховым состоянием, и нам жалко с ними расстаться. Именно поэтому всякий раз, приходя к исповеди и исповедуясь – мы через некоторое время снова впадаем в те же полюбившиеся нам грехи. Грехи как будто одолели нас.

Только тогда, когда мы вознавидим – действительно, подлинно, огненно Божественной ненавистью – нашу греховную жизнь, когда со слезами мы сможем молиться Богу избавить нас от грехового состояния – только тогда мы можем сказать, что приступаем к началу подлинно христианской жизни.

В пути, который совершает Святая Церковь очень важно ничего не пропустить. Здесь нет ничего лишнего, все существенно, все необходимо. Преподобный Серафим Саровский говорит, что в любом деле самое главное его начало. Мы должны положить твердое основание нашего поста. Если будет все продолжаться в нашей жизни, как продолжается сейчас – ни шатко, ни валко,

так и весь приближающийся Великий пост и вся наша жизнь пройдут – ни шатко, ни валко.

Нужно срочно изменить в нашей жизни самое главное: наше отношение ко Христу и к молитве. К нашей соборной молитве, когда мы все вместе собираемся в храме, благодатью Духа Святого внимать святым словам, которые сохранены для нас и для нашего спасения Церковью Божией и святыми отцами нашими. Благодать дает нам возможность приобщиться знанию о самих себе, не о ком-нибудь другом, знанию, которое является сокровищем Церкви, а значит, может стать сокровищем каждого.

Дай Бог, чтобы сегодняшнее Евангелие и эти слова, которыми оно завершается, когда Христос говорит что всякий возносящий себя, смиряется – будут для нас строгим предупреждением. Ибо Господь любящий не будет нас оставлять Своим огненным очищением до тех пор, пока либо мы не поймем, что Христос обращается через все эти лишения лично к нам, что Он жаждет обрести нас как Своих настоящих чад. Либо когда Господь с горечью убедится в том, что ничего невозможно уже с нами сделать, что окаменение нашего сердца – окончательное, и это будет означать, что ад в нашей жизни разворачивается уже сейчас и закончится вечными страданиями.

Дай Бог услышать нам слова Писания, обращенные к сердцу каждого. Каждый из нас стоит перед этим выбором, пойти ли ему широким путем, которым идет, кажется, все человечество, все больше и больше углубляясь в фарисейство внешней самоправедности. Можно обмануть другого человека. Можно даже попытаться обмануть самого себя, но Бога обмануть невозможно. Апостол Иоанн Богослов свидетельствует, если говорю, что греха нет во мне – лгу, и истины нет во мне.

Мы должны просить у Бога открыть нам нашу греховность, то место, в котором мы на самом деле находимся. Не то, которое мы себе придумали в своих мечтах и фантазиях, а то место в жизни, где с любовью встречает нас Христос, идущий навстречу всякой страждущей душе, желая спасти каждого от рабства греха к той подлинной жизни уготованной Богом от создания мира всякому человеку. Аминь.

Протоиерей Сергей Шумилов
5 февраля / 23 января 2012

От редакции

Церковь...

Что такое Церковь Христова? Это место? Или это время? Кресты, купола, здания, паперть, камни, малиновый звон? Это – церковь?

Церковь это мы с вами, православные! Те, кто сегодня приходят к Чаше Спасения, и кто приходил в течение двух тысяч лет до нас, и все, кто придет после нас. Все: прославленные в лице святых, и нам совершенно неизвестные – имена которых Господь только знает!

Никольский храм, которому около 430 лет – в XX веке на 53 года утерял преемственность богослужения – а как много за несколько десятилетий атеизма погибло – в нравственности, в любви к ближнему, в смирении, терпении!

Как это восполнить? Как восстановить утерянное?

То, что это вполне возможно – мы со всей очевидностью обнаруживаем по многим признакам, и в частности – по тому, что Никольская церковь в Кунье на Мху, что у Пруда более 20 лет назад начала возрождаться – она просто воскресла! И в декабре 2012 года – в день памяти нашего небесного покровителя святителя Николая будет совершен чин великого освящения храма.

Эту нашу радость с нами разделят наши прихожане – сегодня уже принадлежащие Торжествующей Церкви – Наталья Владимировна Пушкина, Валентина Дмитриевна Селякова, Нина Николаевна Русалкина, Тамара Басова, Татьяна Липилина, Валентина Масленникова, Валентина Покровская, Анна Павловна Ефимова, Галина Сергеевна Белозерова, Екатерина Макарова, Раиса Васильевна Анисимова, Виктор Андреевич Савельев... И многие-многие другие, о которых помнят наши верные первые прихожане – которые вместе трудились и продолжают трудиться с самого начала восстановления храма. Но новые поколения – Слава Богу, что они есть, и их немало! – они кое-что узнают о них – наших милых братьях и сестрах, которые сегодня молятся о нас ТАМ – по нашим редким публикациям о них в Никольском Листке. А вот о тех, чьими незаметными или явными трудами сегодня живет храм, мы сегодня практически ничего не знаем. И если не потрудиться – не узнаем до Второго Пришествия!

Более того, у нашего храма есть еще один «придел» – домовая церковь (Патриаршее Подворье) святой блаженной Матроны Московской, что при московском Доме ветеранов сцены им. А.А. Яблочкиной! Об этих наших братьях и сестрах мы знаем еще меньше, чем друг о друге – но нас связывают общая молитва, пощечивания на восстановление Никольского храма, участие в написании иконостаса для придела преподобного Сергия Радонежского. Гораздо сильнее нас связывают редкие посещения нашего храма прихожанами домовой церкви блаженной Матронушки – в дни наших особых приходских праздников. И все же мы – одно, мы – Церковь Христова!

Вот для того, чтобы мы с вами, не зная имен, не только издали вежливо раскланивались на богослужениях, но тепло и с любовью молились друг о друге – в нашем Никольском Листке открывается постоянная рубрика «НАШИ ПРИХОЖАНЕ».

Первая наша публикация – воспоминания прихожанки домовой церкви святой блаженной Матроны Московской – Луизы (Елизаветы) Петровны Савинской.

Она ученый, изобретатель, поэт, общественный деятель, президент женского клуба МОСКВИЧКИ... так много титулов! Но самое главное – она христианка, и молится о нас с вами, о нашем приходе – не зная наших имен.

Мы хотим познакомить вас с Луизой Петровной поближе...

Луиза Петровна расскажет нам с вами о «школе небесных созданий»!

«Школа небесных созданий» Луизы Савинской

Тайны старого пруда
Пруд старый дремлющий,
Камыш и таволга,
По косогору – бузина.
Чего-то давнего, чего-то тайного
Не дошептала тишина.
А я упрямая и любопытная
Сюда повадилась ходить,
Вдруг мне откроется
Беглянка скрытная,
Клубочек катится,
Струится нить...

О, это странное-странные армейское сословие! Кочевое племя... удивительное постоянство временности. Жизнь на колесах, да на птичьих правах – офицерская честь, подвиги, изнурительность бесконечно-серых будней: все та же что и века тому назад неразгаданность тайн особой человеческой разновидности: офицер... офицерская жена... офицерские дети...

Мне ли дерзать на глубокий анализ явления по имени «российская армия: война и мир».

Это – после гениальных-то Пушкина, Лермонтова, Толстого, Куприна? – упаси Боже!

А вспомнила я об этом по необходимости, так сказать – к слову, ибо сама являюсь выходцем из армейского сословия: офицерское чадо со всеми вытекающими из этого последствиями. Видите ли, сегодня мне захотелось рассказать об особенностях воспитания моего поколения, взрослевшего в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. В той нашей жизни и нашем становлении школа занимала огромное – наиважнейшее – место. Так вот, по причине бесконечных семейных кочевий за десять обязательных школьных лет я сменила пять школ. Согласитесь, это не такой уж малый статистический материал для вознамерившейся делать какое-то обобщение.

Моя школьная эпопея вместила массу педагогических экспериментов: обучение смешанное и раздельное, мальчики и девочки под одной крышей или же в обособленных – мужских и женских школах. Обязательное трудовое воспитание: простейшие заводские, сельскохозяйственные, строительные профессии, доступные для школьного восприятия. Обучение в специализированных школах: языковая, математическая, химическая, биологическая – даже музыкально-хоровая и художественно-изобразительная направленность. Кабинетная и адресно-индивидуальная система обучения – и т.д. и т.п. По себе – по своим друзьям-однокашникам – знаю, ничто не прошло втуне, ничто! И все же одну из пяти моих школ я вспоминаю всегда особо, в ней я проучилась целых три года! Своеобразный рекорд оседлости для закоренелой кочевницы. Однако не время пребывания в ней, а ее неповторимый и внешний и внутренний облик, ее дух живы во мне и по сию пору. Более того, я считаю, что всем лучшим во мне наделила меня именно она – эта моя «альма матер», она делает таким дорогим и незабвенным не слишком большой приморский город послевоенных лет – город-солдат, залечивающий многочисленные раны. Ему изрядно досталось – жестокими боями переходил дважды из рук в руки – от наших к фрицам да к мамалыжникам – так в народе называли румын, любителей кукурузного блюда мамалы-

ги, и обратно.

Помню и послевоенные там сюю призы прошлого:

взрывы, взрывы...

Но город креп, строился, рос, буйная южная растительность весной и летом скрывала его инвалидность, которую обнажала только гнилая зима, но не она хороводила. Потому, наверное, в моих воспоминаниях любимый город видится всегда изумрудно-бело-силеневым, и пахнет он белой акацией, сиренью, душистым табаком, резедой, петуньей.

Та моя, особая, удивительная школа высидалась на большом открытом пространстве – почти как пушкинский дворец Гвидона на острове среди океана. Это пространство было устлано весеннее-летним зелено-травяным ковром или белесо-грызноватым зимним рядом. Но в любое время года это было то самое надежное место обитания, которое именовалось «наш школьный двор». Он был действительно наш, и никто из других школ не посягал на него, несмотря на отсутствие забора. Сразу за двором красовался православный храм, чудом уцелевший во всех инквизициях беззажигового времени. Практически это был первый действующий храм, увиденный мною вживе. При всем том атеистическом настроении, который – увы – царил вокруг меня с самого рождения, загадочный храм с его утренними и вечерними звонами бесконечно волновал меня, мистически воздействуя на детскую душу.

Нашу – единственную в своем роде – школу, горожане именовали женской гимназией. Возглавлялась она не директором, а Директрисой, обязательно с большой буквы, ибо сие воспринималось всеми как имя собственное. Удивительной женщиной, доктором филологии, женой прославленного генерала, Героя Советского Союза. Очевидно, это последнее ее звание – жена Героя – позволяло ей проводить оригинальные педагогические эксперименты, невозможные – просто немыслимые для простых служителей народного образования.

Когда говорят что нет незаменимых людей, я, памятуя нашу Директрису, истово возражаю: ЕСТЬ, еще как есть! Ведь после ее отзыва на Камчатку, вслед за мужем – как и положено жене военного – гимназия очень скоро сделалась заурядной, среднестатистической советской школой. Вот так!

Только сегодня я хочу вновь оказаться в моей школе-гимназии поры ее фантастического экспериментального взлета. Тогда нас – гимназисток – безошибочно отличали от обычных школьниц и по внешнему виду и по особому поведению. Гимназические правила были строги, но гимназия не вмещала желающих быть ее чадами.

Итак, униформа: темно-синее платье с белыми воротничком и манжетами, фартук – черный или белый, в зависимости от обстановки (будни или праздник). В тон фартуку – бант на голове. Прическа обязательно очень строгая – в основном – косы, редко – в виде исключения (по веской причине!) короткая стрижка. Форму, как правило, шили нам наши мамы и бабушки, но о тканях – по весьма доступным ценам – заботилась гимназия, вернее – всесильная и всесцдная Директриса. У всех нас все было однотипно во внешнем облике, отчего дети из нуждающихся семей не чувствовали унизительной ущербности перед благополучными, материально обеспеченными однокашниками. Экономические различия оставались где-то очень далеко за пределами гимназии.

Я не знала ни одной школы, где бы как у нас можно было изучать на выбор французский, немецкий или английский – а то два-три языка одновременно. Для этого действовал бесплатный вечерний факультатив. Как введение в изучение каждого из этих трех языков изучались краткие основы латыни. Сверх обычных школьных программ нам преподавали логику, этику, психологию, гигиену (спецкурс для девочек) и первую помощь пострадавшим на водах, пожарах и различных катастрофах. Обязательными предметами также были основы музыкальной грамоты и хорового искусства.

А какие у нас были учителя! Если бы нас тогда посетило прозрение, сколько бы всего доброго и безмерно важного не ускользнуло

бы от нас! Но мы были – увы – обычными детьми: озорными, порою ленивыми и даже лукавыми и изворотливыми, а посему не все семена высоких знаний, брошенные щедрою рукою наших учителей, дали добрые всходы. Как жаль... Как жаль!

Нашей классной дамой – классный руководитель по стандартной школьной терминологии, была очень высокая, почти двухметровая, статная, царственного вида женщина со странным для нашего слуха именем-отчеством Платонида Кронидовна. По слухам – бывшая смолянка, и вообще – бывшая. Вела она географию, черчение, изобразительное искусство и этику. Детей у «Платоши» – так мы называли ее за глаза, не было. Но с классом она умела справляться блестящее, уж ей-то мы никогда не могли «навесить лапшу на уши». Видела нас насквозь, за что имела еще одно прозвище – Платоша-рентген. Обращалась к нам наша классная дама только на «Вы». И чем больше было у нее «зуб» на кого-нибудь, тем более сладко-вежливым тоном начиналось обращение. Нередко и я попадалась Платоше «под руку»:

– А скажите-ка мне, любезнейшая Елизавета, – начинала почти сиропно-паточным голосом, адресованное мне наставление, бывшая, – неужели Вы так не уважаете свою соседку Евгению, и держите ее за полную – простите великолушно – идиотку, что дали ей списать вчера контрольную по Африке?

– А Вы, уважаемая Евгения, – провидческий взгляд классной дамы устремлялся на мою несчастную, враставшую в парту соседку – Вы что же, решили, что я настолько динозавр

рового возраста и его же умственных способностей, что не услежу связи между абсолютно одинаковыми ответами, сформулированными двумя разными гимназистками на вопросы контрольной? Мне очень жаль Вас, мои достопочтенные ученицы. Наверное, старею, если не умею научить вас основам человеческого общения. Да-а-а-а... я заблуждалась в вас! Как, впрочем, и в себе...

Наша Платоша была ходячей энциклопедией и бездонным кладезем советов, основанным на бездонном запасе личного и мирового опыта. С последним она обращалась как жонглер-эврилист высочайшего класса. В любой, требующей анализа ситуации из жизни класса, она мгновенно находила, и обрушивала на своих воспитанниц удивительнейшие притчи, пословицы, поговорки, крылатые выражения, оброненные кем-то из великих на дорогах мировой истории. Порой, целые главы из нашумевших поэм или каких-то неизвестных нам и нашим родителям книг. Только сейчас до меня и моих однокашниц стал доходить истинный смысл того, о чем заставляла нас думать классная дама. И таинственные источники ее советов по-тихоньку входят в нашу жизнь, становясь настольными книгами. Только для этого потребовалась дорога длиной почти что в целую человеческую жизнь.

Ведь это наша бывшая внушала нам, что нет более высокого проявления любви, нежели как «отдать жизнь за друга своего». Это она привила нам презрение к доносчикам, сплетникам, лгунам и лицемерам. Причем ее уроки всегда были наглядными, ей претила абстрактная на-

здательность. Помню, как я была потрясена, когда впервые побывала в доме своей наставницы и столкнулась с великой Тайной жертвенной любви. А случилось это так: однажды Платоша забыла дома какое-то важное наглядное пособие для урока географии. Жила она минутах в 10 ходьбы от гимназии, однако, не хотелось ей отвлекаться от своего рассказа, и попросила она меня сделать великое одолжение учителю и отнести записку Ивану Ивановичу – загадочному ее супругу, о котором все говорили суважением «герой войны», но которого никто из нас никогда не видел. Иван Иванович и должен был после прочтения записи передать мне то самое пособие. С радостным любопытством бросилась я выполнять поручение. Дверь в полумрак комнаты на первом этаже ветхого дома открыла мне человек с гривой волос лунного цвета. Первое потрясение я испытала оттого, что голова этого человека была на уровне моих колен. Когда глаза привыкли к полумраку и я смогла присмотреться, я поняла – человек был без обеих ног. Его могучий торс вырастал из маленькой приземистой платформы на колесиках. Записку приняли изуродованные руки: страшные следы от ожогов и на две руки три пальца. Однако, от Ивана Ивановича – это и был он – веяло какой-то удивительно доброй, мужественной силой и надежностью, которые сразу же интуитивно уловило мое детское сердце. Как в этот раз, так и в последующие наши встречи я не обнаружила в выражении его лица даже тени унылости или чего-то такого, что вызывает у здоровых людей стыдливую неловкость при общении с калеками. В маленькой комнате – точнее – комнатушке все было необыкновенно. С многочисленных фотографий и живописных портретов, украсивших стены, смотрели на меня молодые и счастливые Платоша и ее дорогой Иван Иванович. Огромное количество этюдов: пейзажи, настенные картины, акварель, масла – работы моей классной дамы и героя войны. С этого момента многое в поведении Платоши зазвучало для меня по-иному. Да, она имела право говорить о той самой – высшей форме любви! Какая носка легла на царственные плечи этой дамы, и с каким достоинством она ее несла! Вот уж кто измерял жизнь не потерями, а счастливыми обретениями: мне было явлено откровение от Платоши. Боже, как постижение его помогало, и помогает мне жить! Наша дама хотела научить нас идти по жизни легко и грациозно, глубоко пряча в себе смиренность чувств, возникающих от любых неурядиц и бед. До сих пор звучит во мне один из ее заветов: «Девушка – это небесное создание, она не идет, она парит в подлинном пространстве, как будто бы имея за плечами, по меньшей мере пару крыльев. А вы? Вы же как слонихи: туп, туп, туп! Какое уж тут парение, какой полет? Этак вы кроме грязи под ногами в пути ничего и не увидите! А ведь вам жить в космическом веке! Уберите со лба Гималаи! Зачем показывать всему миру, с какими муками работает ваш мыслительный аппарат...».

Всякое наущничество Платоши убивала в зародыше. Как-то наша Лиза Ватрушкина решила выдать ей зачинщиков побега с урока французского языка. Платоша тут же обратилась на весь класс, сознательно: - Уважаемая Ватрушкина, у меня к Вам ответственное поручение. Вы постигли то, что увы, не дано Вашим одноклассницам. Не могли бы Вы к ближайшему классному часу сообщение на тему «Мой путь к нравственному

совершенствованию», дума, это для всех будет очень интересно и поучительно. Забегая вперед скажу, что теперь Лидочка, сменившая вкусно-арomaticную фамилию Ватрушкина на мудрую – Дедова, руководит большой научной организацией, и слышит, как говорят, человеком глубоко порядочным, умеющим жертвовать собой ради любви и дружбы.

Тут я затронула мимоходом один наш побег с урока французского, а ведь таких побегов – других, порою очень недобрых проказ, у нас поначалу было великое множество.

Вассу Ниловну, выпускницу Сорбонны – самую-самую «бывшую» класс невзлюбил сразу, с первого ее появления у нас. Была она приземистой, похожей на толстую старую крысу: шея отсутствовала, маленькие глазки как-то странно сверкали из под минусовых стекол допотопных очков в тяжелой оправе. У нашей француженки была большая близорукость. И постоянная одежда ее была каких-то уныло-серых тонов. Потому – как нам тогда казалось – выбор клички для подобного существа, посягнувшего на роль звания нашего учителя, был справедливым и очень талантливым: Крыса и Квазиморда. Своей находкой мы невероятно гордились. И только потом, ко второму году общения с Вассой Ниловной, а по-настоящему, наверное, только сейчас, мы поняли, каким образованным, терпеливым, бесконечно добрым и красивым человеком, каким талантливым педагогом-воспитателем была эта с виду уродливая женщина! Настало время, когда мы заслушивались ее рассказами о Париже, пели с нею романсы на французском, делали попытки сочинять стихи и выпускать на этом языке школьный альманах «Нотр эколь» - Наша школа. В свою учебную программу Васса ввела раздел «Этика для всех», и обучала нас правилам хорошего тона. Однажды мы заглянули и за тайный полог частной жизни француженки. Она пожертвовала личным счастьем чтобы выходить – вернуть к жизни свою гимназическую подругу Анну, бывшую сестру милосердия первой мировой войны, раненную в позвоночник и обездвиженную. Нам в один год довелось проводить в последний путь этих двух удивительных подруг. Оказалось, что Васса была безнадежно больна... рак. И точно знала об этом, но крепилась до поры до времени. Когда же не стало Анны, она посчитала свою миссию на земле окончено и ушла в мир иной с чистой совестью. Двое из моих одноклассниц назвали своих дочерей этим редким именем – Васса, причем они и в профессиональном смысле пошли по пути любимой учительницы, посвятив себя постижению французского языка. Не миновала подобного искушения и я, начав студенческую жизнь с французского отделения Иняза, что не помешало мне в дальнейшем окончить Тимирязевку и обрести опыт журналистской работы. Но даже эта неумная жажда как можно больше познать мир и вернуть ему сторицей – это оттуда – от моих дорогих учителей.

После Школы Небесных Созданий я успела побывать еще в двух других – перед тем как выйти в большое жизненное плавание. Я, кажется, стала совсем взрослой, однако, времена от времени, когда мне бывает совсем невмоготу справляться со штормами в море жизни, я говорю себе: «Елизавета! Убери со лба Гималаи, ведь ты из той самой «школы небесных созданий», а посему вспомни, что у тебя должна быть, по меньшей мере, пара крыльев! Так что же ты суешься и трясешь? Пари над волнами – лети вперед!».

Вследствие грандиозной коммерциализации, а также соблазна, которые представляют «восточные духовности» для значительного числа неутверженных в истине христиан, следует упомянуть отдельно о различных техниках медитации, импортированных с Востока.

Следует отметить масштаб этой деятельности, которую нельзя назвать иначе как эпидемия (книги, брошюры, собрания) и одновременно некоторую ее конспиративность. Христиане должны знать об этой угрозе.

Эти техники невозможно свести к простым упражнениям нейтральной релаксации. Они имеют чисто духовное измерение. Они претендуют на достижение внутреннего равновесия и гармонии, которыми дается мудрость «нового сознания»: человек имеет возможность обнаружить свое бессмертное «я» и обрести «бессмертие» в этом мире. Иными словами, предлагается духовность, где «божественное» регулируется самоконтролем.

Духовный опыт,обретенный посредством техник, ведет к полной духовной автономии, радикально противоположной Исполнению – дару любви от Воплотившегося Бога, который принимается с покаянием и смирением. Восточные духовности созвучны пелагианскому волонтизму – древней христианской ереси. В них же самоутверждение – надежда на собственные силы, и они абсолютно противоположны евангельской детской всецелого упования на Бога.

Сочетание этих техник с христианской молитвой есть фальсификация молитвы, имеющей видимость прикосновения к невидимому. Это так называемая «религиозная медитация». Личная и живая связь со Христом исчезает в безымянности и космическом слиянии с «божеством».

Невозможно ни оторвать эти техники от религиозной почвы, где они формируются, ни отделить от их философского контекста. (Ни, тем более, честно отделить хатха-йогу от всей йоги, предлагающей более чем образ жизни – духовное видение мира). Позы - никогда не нейтральны. Занимающиеся йогой знают более чем кто-либо, какое влияние оказывают они на душу. И поскольку эти позы сами по себе представляют отдельную духовную традицию, можно догадаться, на каких условиях подчиняется им душа человека. (Настоящие йоги знают, но предпочитают умалчивать об этом). Вера христианина, дерзнувшего использовать эти техники, не может не подвергнуться искалечению.

Стараясь придать новую цену телу, они неизбежно обесценивают Богоявление – тайну Превечного Слова, ставшего плотью, и все действия Святого Духа в Церкви - в таинствах, в богослужении, в значении символов и икон.

Горделивый поиск собственных духовных достижений исключает смиренный путь, избранный Богом, чтобы достичнуть нас такими, какие мы есть.

Исходя из себя, из своего тела, которое они надеются духовно развить с помощью этих техник, они отвергают преображение, предлагаемое Господом Иисусом Христом. Парадоксальным образом эти восточные религии по существу утверждают некое «развоплощение», камуфлируя идолопоклонческое отношение к телу. (Не говоря уже о тантре-йоге, все они, даже хатха-йогу, единственная невинная по видимости, часто практикуется в эротической атмосфере).

При овладении практикой тантра-йоги отпадает деление на черное и белое. Тантра, как утверждают ее апологеты, помогает человеку самосовершенствоваться. При этом энер-

Восточные духовности и христианство

тию какого угодно желания подавлять не нужно.

Личность, как таковая, просто растворяется, и тело перестает быть таинством души, оно теряет свой священный характер. Наше тело призвано по дару Христа уподобиться Его телу. Известно, что в последние десятилетия на Западе (а теперь и у нас, особенно из тех, кто недавно перешагнул порог храма) возросло число христиан, которые «верят» в «перевоплощение». Однако тело человека относится к его личности, единственной и неповторимой. Оно не может быть легко заменимой оболочкой. И тайна воскресения во плоти абсолютно исключает учение о перевоплощении. Одним ударом отца лжи мы можем лишиться дара и воскресения тела, и смысла времени, и нашей свободы, и нашей ответственности. Все связано.

Как бы ни превозносилось тело, там где отрицается тайна Богоявления, - по внутренней логике это означает презрение тела, а значит и распад его. И уничтожение всей человеческой личности.

При занятиях восточными техниками не остается никаких возможностей личных отношений с Богом. Будь то нирвана или что-то ей подобное,

«озарение» достигается ценой «растворения крупицы соли в океане». В этой «бездне безличного» уже невозможна любовь. Но если духовное здоровье человека заключается в способности любить и быть любимым, не следует удивляться, что эти практики приводят к настоящим психическим расстройствам. (Большое число последователей «трансцендентной медитации», пройдя 5-6-летнюю практику, кончают жизнь самоубийством или попадают в психиатрические больницы. Свидетельства тех, кто прикоснулся к этому ужасу, должны призывать христиан к бдительности и к молитве - «избави нас от лукавого»). Утратив всякую связь с Богом Живым, Который не есть некое «божество», человек теряет даже способность личной самоидентификации. Когда «высшее существо» не имеет ни слова, ни лица, человек, поклоняющийся ему, теряет и слово, и лицо - у него нет больше имени, потому что никто уже не может назвать его, кто он есть. Он может стать буквально мычачшим и рычащим, как евангельский персонаж, которым овладел дух глухой и немой. Он остается таким, даже если произносит как будто членораздельные звуки, даже когда, используя современные технические средства, обращается ко всему миру, - оттого что его слова лишены правды и смысла. «Имя мне легион», - говорит он, вернее, говорят за него те, кто занял его ум и сердце. У него нет больше лица, поскольку для него не остается личности, образом Которой он является. Сам не знает, кто он, как может он исцелиться? Он вступает на бесконечный путь отчаяния: все личные отношения с Богом прерваны, отношения с другими людьми одним этим фактом погружаются во мрак. Упразднение Личного Бога приводит к замкнутости на себе, а не к выходу к другому. Вследствие отрицания самой Тайны Троичного общения наступает разрушение всяко-го общения.

Следует также предупредить об «опытах парапсихологии», часто используемых этими техниками. Кто однажды испробовал их, тот знает, как трудно они поддаются контролю личности. Речь идет о вещах хорошо известных для йогов - открытие чакр, выход в астрал и т.д. Легко убедить-

ся, что они - той же самой природы, что экстаз, достигаемый наркотиками (ЛСД) и не менее разрушительны.

Наконец следует спросить, не являются ли техники восточных медитаций более тонким и более опасным видом соблазна обогащения, власти и обладания, чем деньги. Это духовное явление не может быть определено иначе чем предательство по отношению к распятой Божией любви, и поскольку речь идет о воплощенной любви - как духовный блуд, прелюбодеяние.

Особенно следует выделить «трансцендентную медитацию», самую наивную, но также самую опасную среди этих «техник». Видимость научности скрывает ее чисто «религиозный» характер. Вне сомнения, она открывает выход в демонический мир. Обряд инициации - настоящий кульп идолопоклонства: принесение цветов и плодов к фотографии Гуру с членением формулы посвящения на санскрите. Мантра, предлагаемая каждому, - обыкновенно имя индийского божества. Оно должно храниться втайне под угрозой самых страшных наказаний. Одного этого достаточно, чтобы понять, какая духовная бездна погибели здесь таится. Согласно твердому мнению многих специалистов по восточным религиям, занятия дзен-буддизмом неизбежно приводят либо просто к безумию, либо к бесовской одержимости.

Самое главное, что мы должны увидеть: эти лжеучения, представляют более серьезную опасность, чем принято думать, - более серьезную, чем, например, марксизм, принесший в XX веке известные всем плоды и благополучно почивший, чтобы уступить место «философии пустоты», которая касается непосредственно наших личных отношений с Богом и оскверняет даже молитву. Находясь на уровне естественной мистики со всей ее двусмысленностью, они представляют собой язычество, соблазняющее своей «тайственностью» едва переступивших порог храма, и направляют их к ложной духовности. Эта опасность возникла в самом начале пути Христовой Церкви, и как никогда угрожает ей теперь. Но с новой силой звучит предупреждение апостола: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философию пустоты, и обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8).

Как же мы говорим: «Свет Христов просвещает всех»? Да, он просвещает всех, кто не стремится вырваться из объятий света во тьму. Но слишком часто, к несчастью, люди, обманутые злом, - заменяют истину Божию ложью, и поклоняются, и служат твари вместо Творца (ср. Рим. 1, 25).

Протоиерей Александр
Шаргунов, доцент МДАиС
Русская народная линия
13.02.2012

В прошлом номере мы печатали начало рассказа прихожанки нашего храма о работе волонтером в одной из подмосковных детских больниц. Предлагаем вашему вниманию продолжение рассказа Елены Лутковской...

В первой части статьи (Никольский Листок, №1 (114), январь 2012) я рассказала, как пришла к этой работе. Итак, я начала работать волонтером в детской городской больнице в одном из подмосковных городов. Я стала регулярно посещать палату с так называемыми «социальными» пациентами. Там находились дети, родители которых или умерли или по каким-то причинам не могут о них заботиться. Дети находились в больнице, как правило, довольно длительное время - иногда до нескольких месяцев.

Как ни странно, то, чего я опасалась больше всего, а именно сама работа с детьми, давалась мне довольно легко. Область применения моей «полезности» быстро нашлась. Проблема заполнения длинного, почти бесконечного больничного дня, для детей, ограниченных палатой была весьма актуальна. В больнице не было игровой, почти не было игрушек. Единственным развлечением был телевизор, причем занимал он поистине королевское место. Мало того, что телевизор стоял в общем коридоре, спонсоры зачем-то подарили еще отдельный телевизор в эту социальную палату и ребята могли бесконтрольно смотреть его сколько угодно. На мое счастье, телевизор из детской палаты скоро пропал, причем совершенно таинственно, а я, конечно, поиски затевать не стала. После того, как я установила первый контакт с детьми, свою задачу я видела, прежде всего, в том, чтобы чем-то увлечь ребят. Мы начали заниматься тем, что детские психологи называют продуктивными видами деятельности, то есть мы рисовали, лепили, делали аппликации, мастерили поделки из разных материалов. Результаты наших трудов мы дарили медсестрам, вешали в палате и в коридоре. Интуитивно мне было понятно, что этим детям как никому важно, что бы у их деятельности был какой-то результат, и желательно, что бы про него знали все вокруг. Ведь ребенку становится интересно что-то делать, когда он показывает свои первые каракули маме, а она приходит в восторг, вешает рисунок на стену, да и еще и всем гостям показывает. Я не знала всех подробностей о детстве моих подопечных, но было понятно, что многое там было пропущено.

Во время наших занятий мы, конечно, говорили с детьми, я старалась им что-то ненавязчиво рассказывать, учила взаимодействовать друг с другом, так как быстро стало понятно, что это слабое место у этих детей.

В какой-то момент я поняла, что мне не хватает практических психологических знаний, ведь некоторые дети пережили реальную жизненную катастрофу. Тут пригодилось мое психологическое образование, но мне не хватало практических методов работы с этой категорией детей. Я быстро обросла замечательными знакомыми, которые профессионально работали с детьми-сиротами. Все без исключения специалисты, к которым я обращалась за помощью, охотно соглашались меня консультировать.

Дети и их проблемы, с которыми я сталкивалась, были самыми разными. Был мальчик-сирота 16 лет больной СПИДом. Было двое сестренок полутора и трех лет, они были забыты в квартире родителями-наркоманами. Хорошо, что дети подняли такой крик, что соседи вызвали милицию. С этими детскими нужно было не только играть, но и кормить с ложечки, и менять памперсы, что я, кстати сказать, делала впервые в жизни.

В общем, первый год моей волонтерской деятельности прошел довольно быстро. И вот однажды я прочитала в объявлении около нашего больничного храма, что нужны добровольцы для работы в группе милосердия в детской

больнице. Я попросила нашего батюшку познакомить меня с координатором. «Это вы и есть» - прозвучал ответ. Тут началось самое сложное для меня – сложные отношения с администрацией больницы. Мой мудрый муж с самого начала предупреждал меня, что мне очень важно научится не осуждать персонал. «Ведь ты приходишь на час в день, с игрушками, подарками, у тебя есть такая возможность. А они сидят там сутками за очень скромную зарплату» - говорил он. Я все понимала головой, но когда сталкивалась с тем,

что маленьких детей записывают одних в палате, потому что персоналу так удобно, во мне поднималась волна ярости. Я как-то затачивала ее обратно, понимала, что скандалами ничего не решишь, что меня просто перестанут пускать. Но вот с христианскими чувствами были, мягко говоря, проблемы. Я часто невесело шутила, что чем больше я

работаю в группе милосердия, чем больше во мне ненависти к конкретным людям. Когда меня назначили координатором группы добровольцев, я пришла «на поклон» к заведующей отделением. «Вас я терплю уже год, просто закрываю глаза на ваше присутствие, а вот людей ваших мы тут видеть точно не хотим» - это было резюме вашей встречи. И снова гнев, обида внутри. Мы же помогаем бесплатно, приходим с самими благими намерениями.

Я пожаловалась настоятелю больничного храма. О.Александр показал пример поведения в такой ситуации. Известие принял со смириением, совсем не поддержал моих разговоров в жанре «какой ужас, как они так могут», а просто и по-деловому договорился с главным врачом, чтобы нас пускали. И в дальнейшем батюшка никогда не благословлял мои идеи «военных действий» с администрацией, а главное, никогда не поддерживал моих осуждающих разговоров. Не могу сказать, что я научилась не осуждать, увы, нет, но понимание, что это бесполезно для дела и вредно для души, пришло. Кандидаты в волонтеры звонили мне не очень часто. Я просила взять благословение у батюшки, и после этого знакомилась лично. Кто-то пропадал сразу, кто-то после первого посещения говорил, что не сможет

больше ходить, с некоторыми участниками группы мы работаем вместе до сих пор. Новые люди стали большими подспорьем, можно было в случае необходимости установить дежурство посещений, больше заниматься с детьми.

Меня часто спрашивают, что мне это дает, зачем мне это нужно. Наверное, ответом может быть небольшая история.

У нас в больнице был один мальчик семи лет, звали его Никита, от него отказались родственники и следом он перенес тяжелую операцию на сердце. Он до этого был худеньким паренком, эдаким воробушком, а после операции у него и вовсе не было сил жить. Он совсем плохо ел, таял на глазах. Я приносила ему вкусненькое, пыталась чем-то подбодрить и скоро выяснилось, что он, как все дети любят сказки. И тогда я стала стараться забегать вечером, чтобы почитать ему перед сном. Милостью Божьей мальчик выжил, с тех пор прошло несколько лет уже, так получилось, что мы часто его видим. Недавно мой муж рассказал мне, как Никита признался ему на днях, что очень хорошо помнит, как я читала ему тогда, и еще он добавил, что будет помнить об этом всю жизнь...

Елена Лутковская

Братья и сестры!

В Никольском храме д. Васютино Павлово-Посадского района Московской области осуществляется сбор пожертвований на написание 3-хярусного басменного иконостаса для придела преподобного Сергия Радонежского.

Написание иконостаса планируется завершить ко дню Ве-

ликого освящения Никольского храма 19 декабря 2012 года.

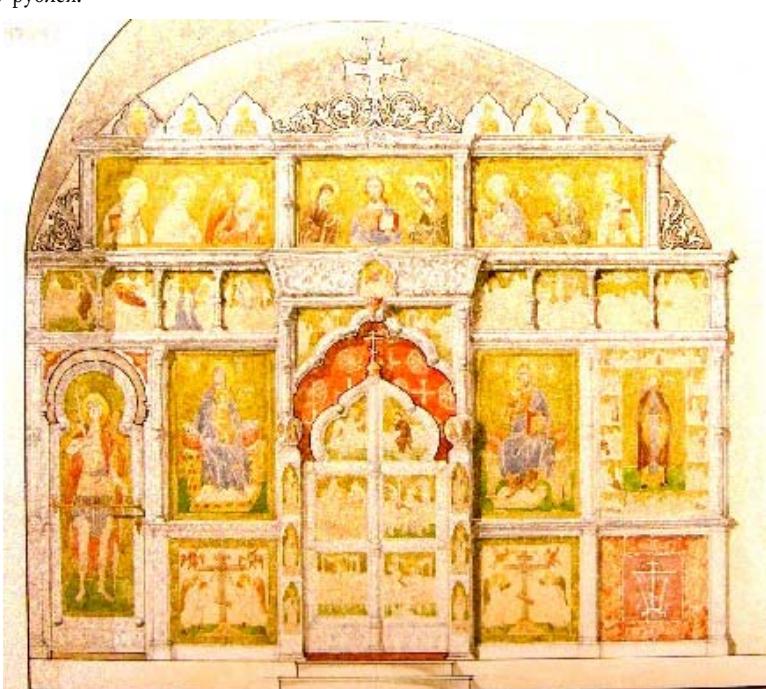
При написании икон имени жертвователей будут наноситься на тыльную сторону иконных досок для вечного поминования и свидетельства потомкам об общенародной лепте.

Примерный размер пожертвования на иконостас для нанесения имени жертвователя на тыльную сторону иконной доски 1000 рублей.

Сердечно просим вносить свою лепту на написание иконостаса для придела преподобного Сергия Радонежского в Никольском храме д. Васютино.

Всемилостивый Господь да благословит намерение сие!

Преподобный отче наш Серрге, моли Бога о нас!

**Убедительно просим Вас не использовать эту газету в хозяйственных целях.
После прочтения передайте ее Вашим знакомым или отдайте в ближайший храм!**

**Дорогие читатели! Мы нуждаемся в ваших святых молитвах!
Будем рады услышать ваши вопросы и пожелания в храме или по телефонам:
7-41-99, 8-916-510-15-80
Интернет-сайт: NIKOLAnaMhu.ru
e-mail: NIKOLAnaMhu@yandex.ru**

**Реквизиты нашего храма: Никольский храм д. Васютино
ИНН - 5035006926 КПП - 503501001 р/с - 40703810840310124939
в Орехово-Зуевском ОСБ 1556/063 ОАО «Сбербанк России» г. Москва
БИК - 044525225 корр/сч - 30101810400000000225
Назначение платежа - жертва на уставную деятельность**

Извещение		
Никольский храм д. Васютино (Наименование получателя платежа) 5035006926/503501001 № 40703810840310124939 (ИНН/КПП получателя платежа) (номер счета получателя платежа) в Орехово-Зуевском ОСБ № 1556/063 ОАО «Сбербанк России» г. Москва (Наименование банка получателя платежа) БИК 044525225 № 30101810400000000225 (номер кор/сч банка получателя)		
(Фамилия, И.О., Адрес плательщика)		
Вид платежа	Дата	сумма
Пожертвование на ведение уставной деятельности		
Плательщик		
Никольский храм д. Васютино (Наименование получателя платежа) 5035006926/503501001 № 40703810840310124939 (ИНН/КПП получателя платежа) (номер счета получателя платежа) в Орехово-Зуевском ОСБ № 1556/063 ОАО «Сбербанк России» г. Москва (Наименование банка получателя платежа) БИК 044525225 № 30101810400000000225 (номер кор/сч банка получателя)		
(Фамилия, И.О., Адрес плательщика)		
Вид платежа	Дата	сумма
Пожертвование на ведение уставной деятельности		
Плательщик		